
БИБЛИОГРАФІЯ.

Самоубійство, какъ соціальное явленіе.

Э. Дюркгеймъ, проф. соціологія. *Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ французскаго.* СПб. 1912.

Вопросъ о самоубійствѣ въ послѣдніе дни все настойчивѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе науки и публицистики. Количество самоубійствъ достигаетъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, при которыхъ уже нѣтъ возможности спокойно созерцать это общественное зло. Эта эпидемія самоубійствъ удручаетъ духъ наблюдателя и сама по себѣ, какъ потеря драгоценныхъ человѣческихъ жизней, и какъ самый яркій симптомъ общественнаго нестроенія. Поэтому нельзя не привѣтствовать перевода солиднаго труда извѣстнаго французскаго соціолога, посвященнаго вопросу о самоубійствѣ. Предлагаемая статья имѣетъ своею задачею ознакомить читателей Богословскаго Вѣстника съ содержаніемъ книги Дюркгейма.

Самоубійство можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія—индивидуальной и соціальной. Трудъ Дюркгейма построенъ исключительно съ соціальной точки зрѣнія.

Индивидуальныя условія, которымъ *a priori* можно приписать вліяніе на самоубійство, бываютъ двухъ родовъ. Во-первыхъ, существуютъ внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ находится самоубійца: иногда люди, лишаящіе себя жизни, страдаютъ отъ семейныхъ огорченій, отъ оскорбленнаго самолюбія, иногда они удручены бѣдностью и болѣзнью, иногда же ихъ мучатъ укору совѣсти и т. д. Но эти индивидуальныя особенности не въ состояніи объяснить соціаль-

наго процента самоубійствъ, потому что онъ довольно существенно измѣняется въ то время, какъ различныя комбинаціи обстоятельствъ, непосредственно предшествующихъ отдѣльнымъ самоубійствамъ, сохраняютъ почти ту же относительную частоту. Это доказываетъ, что онъ не являются рѣшающими причинами того акта, которому онъ предшествуютъ. Та выдающаяся роль, которую онъ иногда играютъ въ рѣшеніи, не является еще доказательствомъ ихъ силы. Выводы, до которыхъ человѣкъ дошелъ путемъ сознательнаго размышленія, часто бывають только формальными и не имѣють другого результата, кромѣ укрѣпленія прежняго рѣшенія, принятаго по причинамъ, для сознанія совершенно неизвѣстнымъ. Кромѣ того, обстоятельства, которыя кажутся причинами самоубійства потому только, что они часто его сопровождаютъ, насчитываются въ неограниченномъ числѣ. Одинъ убиваетъ себя, живя въ богатствѣ, другой въ бѣдности; одинъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, другой при помощи развода разорвалъ брачныя узы, дѣлавшій его несчастнымъ. Здѣсь лишаетъ себя жизни солдатъ, который былъ несправедливо наказанъ за преступленіе, котораго онъ не сдѣлалъ, тамъ преступникъ убиваетъ себя потому, что его преступленіе осталось не наказаннымъ. Событія жизни, самыя разнообразныя и иногда противоположныя, могутъ явиться поводомъ къ самоубійству, а это значить, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо его специфической причиной. Быть можетъ, возможно, по крайней мѣрѣ, искать эту причину въ томъ общемъ характерѣ, который свойственъ всѣмъ имъ? Но существуетъ ли онъ въ дѣйствительности? Самое большее, что можно сказать,—это то, что общій характеръ заключается въ непріятностяхъ и огорченіяхъ, но совершенно нельзя опредѣлить, какой интенсивности должно достигнуть горе, чтобы привести человѣка къ такой трагической развязкѣ. Не существуетъ ни одного самаго незначительнаго недовольства, о которомъ можно было бы утверждать, что оно не сдѣлается нестерпимымъ, точно такъ же, какъ нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы оно непременно сдѣлалось нестерпимымъ. Мы видимъ иногда, что люди переносятъ ужасныя несчастія въ то время, какъ другіе убиваютъ себя изъ-за незначительной досады. Индивидуумы, жизнь которыхъ особенно тяжела, не

принадлежать къ числу людей, убивающихъ себя наиболѣе часто. Скорѣе, наоборотъ, избытокъ удобствъ жизни вооружаетъ челоуѣка противъ себя самого. Тѣ классы общества легче разстаются съ жизнью, которымъ свободнѣе и легче живется, и въ тѣ эпохи, когда свободы этой всего больше: если и случается въ дѣйствительности, что личное состояніе самоубійцы является основной причиной принятаго имъ рѣшенія, то это бываетъ чрезвычайно рѣдко и, слѣдовательно, не можетъ служить объясненіемъ соціального процента самоубійствъ.

И даже тѣ изслѣдователи, которые приписываютъ наибольшее вліяніе индивидуальнымъ условіямъ, ищутъ ихъ не столько во внѣшнихъ случайностяхъ, сколько во внутренней природѣ субъекта, т. е. въ біологической его конструкціи, и той физической среды, отъ которой она зависитъ. Самоубійство изображаютъ поэтому, какъ продуктъ извѣстнаго темперамента, какъ эпизодъ неврастенія, подчиненный дѣйствію тѣхъ же факторовъ, какъ и она. Но при внимательномъ отношеніи къ вопросу мы не найдемъ никакого непосредственнаго и правильнаго соотношенія между неврастеніемъ и соціальнымъ процентомъ самоубійствъ. Случается, что эти два явленія измѣняются въ обратномъ смыслѣ и что одно достигаетъ минимума тамъ, гдѣ другое находится въ апогеѣ. Мы не найдемъ также никакихъ опредѣленныхъ соотношеній между движеніемъ самоубійствъ и состояніемъ физической среды, которая, какъ говорятъ, оказываетъ на нервную систему особенно сильное вліяніе, какъ, напримѣръ, раса, климатъ, температура. И если даже признать, что при извѣстныхъ условіяхъ невропатия проявляетъ нѣкоторое предрасположеніе къ самоубійству, то это еще не значитъ, что ему предназначено судьбой лишитъ себя жизни; и воздѣйствіе космическихъ факторовъ не въ состояніи сообщить, воплію точное и опредѣленное направленіе этимъ чрезвычайно общимъ наклонностямъ его природы.

Совершенно другіе результаты мы получимъ, когда, оставивъ въ сторонѣ самого индивидуума, станемъ искать въ природѣ обществъ причины того предрасположенія къ самоубійству, которое наблюдается въ каждомъ изъ нихъ. Насколько отношенія между самоубійствомъ и законами физическаго и біологическаго порядка сомнительны и дву-

смысленны, настолько непосредственны и постоянны соотношенія между самоубійствомъ и извѣстными состояніями соціальной среды. Соотношенія эти можно даже формулировать въ видѣ законовъ. Определенныя такимъ образомъ соціологическія причины объясняютъ намъ даже тѣ отдѣльныя совпаденія, которыя часто приписывались вліянію матеріальныхъ причинъ и въ которыхъ хотѣли видѣть доказательство этого вліянія. Если число женщинъ, покончившихъ съ собою, гораздо меньше, чѣмъ число мужчинъ, то это происходитъ отъ того, что первыя гораздо меньше соприкасаются съ коллективной жизнью и поэтому менѣе сильно чувствуютъ ея дурное или хорошее воздѣйствіе. То же самое наблюдается по отношенію къ старикамъ и дѣтямъ, хотя по нѣсколькимъ другимъ причинамъ. Затѣмъ, если число самоубійствъ увеличивается, начиная съ января и кончая іюнемъ, а затѣмъ начинаетъ уменьшаться—это происходитъ потому, что и соціальная дѣятельность испытываетъ тѣ же сезонныя измѣненія. Вполнѣ естественно, что различные результаты, которые производитъ эта дѣятельность, подчинены тому же самому ритму, какъ и она сама, а слѣдовательно, наиболѣе ощутительны въ теченіе перваго изъ указанныхъ періодовъ: но такъ какъ самоубійство есть тоже продуктъ этой дѣятельности, то и оно подчиняется тѣмъ же законамъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно вывести то заключеніе, что процентъ самоубійствъ зависитъ только отъ соціологическихъ причинъ и что контингентъ добровольныхъ смертей определяется моральной организаціей общества. У каждаго народа существуетъ извѣстная коллективная сила определенной интенсивности, толкающая человѣка на самоубійство. Тѣ поступки, которые совершаетъ самоубійца и которые на первый взглядъ кажутся проявленіемъ личнаго темперамента, являются на самомъ дѣлѣ слѣдствіемъ и продолженіемъ нѣкотораго соціального состоянія, которое находитъ себѣ въ нихъ внѣшнее обнаруженіе.

Далѣе мы рассмотримъ положительную часть книги Дюркгейма, остановимся съ нѣкоторою подробностью на соціальныхъ отношеніяхъ самоубійства, и прежде всего—на отношеніи самоубійства къ религіи.

Самоубійство и религія. Если посмотрѣть на европейскую

карту самоубійствъ, то съ перваго уже взгляда бросится въ глаза, что въ чисто католическихъ странахъ, какъ-то въ Италіи, Португаліи и Испаніи, самоубійства развиты очень мало, тогда какъ максимумъ ихъ наблюдается въ протестантскихъ странахъ, въ Пруссіи, Саксоніи и Даніи. Съ этой точки зрѣнія поучительную картину, въ частности, представляетъ Швейцарія. Въ этой странѣ встрѣчается и нѣмецкое, и французское населеніе, и потому въ ней можно наблюдать въ отдѣльности вліяніе вѣроисповѣданія на каждой изъ этихъ двухъ расъ. Католическіе кантоны, независимо отъ національности ихъ населенія, даютъ въ 4 или въ 5 разъ меньше самоубійствъ, чѣмъ протестантскіе. Слѣдовательно, вліяніе религіи такъ велико, что превышаетъ всякое другое.

Спрашивая о причинахъ этого различія, Дюркгеймъ находитъ объясненіе въ самой природѣ религіозныхъ системъ католицизма и протестантизма. Та и другая въ одинаковой степени запрещаютъ и осуждаютъ самоубійство; на него не только обрушиваются самыя суровыя моральныя кары, но объ религіи учатъ, что за гробомъ начинается новая жизнь, гдѣ люди будутъ нести наказанія за свои грѣхи, къ числу которыхъ и протестантизмъ, и католицизмъ относятъ самоубійство. Наконецъ, въ томъ и другомъ вѣроисповѣданіи запрещеніе убивать себя носитъ божественный характеръ. Поэтому, если протестантизмъ благопріятствуетъ большому числу самоубійствъ, то вовсе не потому, что относится къ нему иначе, чѣмъ католицизмъ. Но разъ въ этомъ частномъ случаѣ объ религіи выставляютъ одно и то же нравственное требованіе, то неодинаковая степень вліянія ихъ на число самоубійствъ должна имѣть своей причиной какое-нибудь изъ болѣе общихъ свойствъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга.

Единственнымъ существеннымъ различіемъ между католицизмомъ и протестантизмомъ является тотъ фактъ, что второй въ гораздо большей степени допускаетъ свободу изслѣдованія, чѣмъ первый. Уже однимъ тѣмъ, что протестантизмъ представляетъ собою идеалистическую религію, онъ даетъ гораздо больше мѣста для мысли и размышленія, чѣмъ греко-латинскій политеизмъ или монотеизмъ евреевъ. Онъ не довольствуется машинальными обрядами, но хочетъ управлять сознаніемъ людей. Онъ обращается къ че-

ловѣческому сознанію и даже въ тотъ моментъ, когда призываетъ разумъ къ слѣпому подчиненію, самъ говоритъ на языкъ разума. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что католикъ принимаетъ свою вѣру въ готовомъ видѣ безъ всякаго критическаго изслѣдованія. Онъ не можетъ подвергать ее даже исторической провѣркѣ, такъ какъ ему запрещено пользоваться оригиналами тѣхъ текстовъ, на которые она опирается. Для того, чтобы религиозное преданіе осталось неприкосновеннымъ, съ поразительнымъ искусствомъ построена цѣлая организованная іерархія авторитетовъ. Все, что является новизною, внушаетъ ужасъ правовѣрной католической мысли.

Протестантъ въ большей степени является творцомъ своей вѣры; библія находится въ его рукахъ, и ему не запрещено толковать ее въ любомъ направленіи. Даже самая структура протестантскаго культа обнаруживаетъ его религиозный индивидуализмъ. Нигдѣ, кромѣ Англіи, не существуетъ іерархической организациі протестантскаго духовенства; священникъ такъ же, какъ и каждый вѣрующій, подчиненъ только самому себѣ и своей совѣсти; онъ представляетъ собою только болѣе освѣдомленнаго руководителя, чѣмъ всѣ обыкновенные вѣрующіе, но не облеченъ никакимъ специальнымъ авторитетомъ въ сферѣ толкованія догмы. Но что лучше всего доказываетъ, что эта свобода мысли, провозглашенная дѣятелями реформациі, не осталась только платоническимъ утвержденіемъ, такъ это не прекращающійся ростъ различныхъ сектъ, являющихъ собою такой живой контрастъ по сравненію съ нераздѣльнымъ единствомъ католической церкви.

Такимъ образомъ, склонность протестантовъ къ самоубійству должна находиться въ зависимости отъ того духа свободомыслія, которымъ проникнута эта религія. Постараемся подробно разобратъ въ этой зависимости, такъ какъ сама свободная мысль есть слѣдствіе другихъ причинъ. Когда протестантство только что появилось на свѣтъ, когда люди, послѣ того какъ они въ теченіе долгихъ лѣтъ воспринимали свою вѣру въ неизблемо традиціонномъ видѣ, потребовали себѣ права творить ее самимъ, то произошло это не въ силу преимуществъ свободнаго исканія, ибо свобода несетъ съ собою столько же страданія, сколько и ра-

дости. И эта потребность въ свободѣ имѣеть только одну причину: упадокъ традиціонныхъ вѣрованій. Если бы традиція дѣйствовала съ неослабѣвающей силой, то не было бы повода зародиться критикѣ; если бы авторитетъ преданія оставался непоколебленнымъ, то не явилась бы дерзкая мысль провѣрить самый его источникъ. Критика только тогда возстаетъ противъ общественнаго мнѣнія, когда оно уже не имѣеть прежней силы, т. е. не является уже въ полной мѣрѣ общественнымъ.

Поэтому, если можно утверждать, что провозглашенная свобода мысли умножаетъ ереси, то надо прибавить, что сама она порождается ересями, что она можетъ стать желанной и получить фактическое осуществленіе, лишь какъ принципъ, позволяющій скрытымъ или полуявнымъ ересямъ развиваться вполнѣ свободно. Слѣдовательно, если протестантизмъ удѣляетъ больше мѣста индивидуальной мысли, нежели католичество, значитъ онъ бѣднѣе вѣрованіями и меньше зависитъ отъ установленныхъ обычаевъ. Религіозное общество не можетъ существовать безъ коллективнаго credo и оно тѣмъ болѣе едино и тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ болѣе распространено это credo. Оно не соединяетъ людей путемъ обмѣна взаимныхъ услугъ,—этой временной связи, которая мирится съ различіями и даже предполагаетъ послѣднія, но не въ состояніи ихъ примирить. Религія объединяетъ людей, только привязывая ихъ къ одной и той же системѣ ученій, и единство это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе широкое поле охватываетъ данная система и чѣмъ солиднѣе она построена. Чѣмъ болѣе лежитъ религіознаго отпечатка на образѣ мыслей и дѣйствій даннаго общества, чѣмъ полнѣе, слѣдовательно, исключена здѣсь возможность свободнаго изслѣдованія, тѣмъ сильнѣе мысль о Богѣ проникаетъ во всѣ детали человѣческаго существованія и направляетъ къ одной цѣли всѣ индивидуальныя воли. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе въ группѣ вѣрующихъ проявляются частныя сужденія, тѣмъ менѣе ея роль въ жизни людей, тѣмъ слабѣе ея сплоченность и жизненность. Перевѣсъ на сторонѣ протестантизма въ сферѣ самоубійствъ происходитъ отъ того, что эта церковь по существу своему менѣе цѣлостна, нежели католическая. Благотворное вліяніе религіи нельзя приписать—по мнѣнію Дюркгейма—соціальной при-

родѣ религіозныхъ идей; если она охраняетъ человѣка отъ самоуничтоженія, то это происходитъ не потому, что она внушаетъ путемъ аргументовъ *sui generis* уваженіе къ чело-вѣческой личности, но въ силу того, что она является обществомъ; сущность этого общества состоитъ въ извѣстныхъ общихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, признаваемыхъ всѣми вѣрующими, освященныхъ традиціей и потому обязательныхъ. Чѣмъ болѣе существуетъ такихъ коллективныхъ состояній сознанія, чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ крѣпче связана религіозная община, тѣмъ больше въ ней содержится предохраняющихъ началъ. Детали догматовъ и обрядовъ въ данномъ случаѣ имѣютъ второстепенное значеніе. Суть въ томъ, чтобы они по природѣ своей были способны съ достаточною интенсивностью питать коллективную жизнь; и именно потому, что протестантская церковь не такъ тѣсно спаяна, какъ всѣ остальные, она и не оказываетъ на самоубійство такого же умѣряющаго вліянія.

Семья и самоубійство. Если религія предохраняетъ отъ самоубійства постольку, поскольку она создаетъ общество,— то вполне вѣроятно, что и другіе общественные союзы вызываютъ тѣ же результаты. Дюркгеймъ разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія политическое общество и семью.

Дюркгеймъ устанавливаетъ слѣдующіе законы, опредѣляющіе отношеніе семьи къ самоубійству:

1. Слишкомъ ранній бракъ увеличиваетъ наклонность къ самоубійству, въ особенности у мужчинъ.

2. Начиная съ 20-ти лѣтъ, люди, состоящіе въ бракѣ, по отношенію къ холостымъ и незамужнимъ обладаютъ коэффициентомъ предохраненія, превышающимъ единицу. (Коэффициентомъ предохраненія Дюркгеймъ обозначаетъ число, указывающее, во сколько разъ въ одной группѣ лишаютъ себя жизни меньше, чѣмъ въ другой въ одномъ и томъ же возрастѣ).

3. Коэффициентъ предохраненія супруговъ по отношенію къ холостымъ и незамужнимъ измѣняется въ зависимости отъ пола. Во Франціи преимущество на сторонѣ мужчинъ, а разница между полами довольно значительная: Можно сказать, что полъ, которому наиболѣе благоприятствуетъ брачное состояніе, измѣняется въ зависимости отъ страны, и что величина отклоненія между процентомъ самоубійствъ у обо-

ныхъ половъ измѣняется въ зависимости отъ того, какой именно полъ оказывается наиболѣе благопріятствуемымъ.

4. Вдовство уменьшаетъ коэффициентъ предохраненія супруговъ обоого пола, но обыкновенно не уничтожаетъ его совершенно. Вдовцы убиваютъ себя чаще, чѣмъ люди, состоящіе въ бракѣ, но въ общемъ менѣе, нежели советѣмъ безбрачные. Совершенно такъ же, какъ и у супруговъ, коэффициентъ предохраненія вдовцовъ по отношенію къ безбрачнымъ измѣняется въ зависимости отъ пола. Наиболѣе благопріятствуемый полъ у вдовыхъ измѣняется въ зависимости отъ страны, и величина отклоненія между процентомъ самоубійствъ у обоихъ половъ измѣняется въ зависимости отъ того, какой полъ оказывается наиболѣе благопріятствуемымъ.

Преимущества, которыми пользуются люди, находящіеся въ брачномъ состояніи, можно приписать только одной изъ двухъ нижеслѣдующихъ причинъ.

Либо мы имѣемъ здѣсь влияние домашней среды; въ такомъ случаѣ именно семья нейтрализуетъ наклонность къ самоубійству и мѣшаетъ ей развиваться.

Либо же этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что можно назвать „брачнымъ подборомъ“. Бракъ, дѣйствительно, механически производитъ въ общей массѣ населенія нѣкотораго рода сортировку. Не всякій желающій женится. Мало шансовъ создать себѣ семью у человѣка, который не обладаетъ извѣстнымъ здоровьемъ, средствами къ жизни и опредѣленными нравственными достоинствами и т. д. При такой гипотезѣ уже не семья предохраняетъ человѣка отъ самоубійства, преступленій или болѣзни, а, наоборотъ, преимущество людей, находящихся въ брачномъ состояніи, зависитъ отъ того, что только тѣмъ доступна семейная жизнь, кто представляетъ собою серьезныя гарантіи физическаго и нравственнаго здоровья.

Дюркгеймъ отвергаетъ вторую гипотезу. Если бы взаимоотношеніе брачныхъ и холостыхъ опредѣлялось брачнымъ подборомъ, то проявляться оно должно было бы съ того момента, когда подборъ начинаетъ входить въ силу, т. е. когда молодые люди и дѣвушки вступаютъ въ бракъ. Въ это время впервые должно было бы обозначиться нѣкоторое отклоненіе, которое затѣмъ мало-по-малу увеличивалось бы по мѣрѣ

дальнѣйшаго дѣйствія подбора, т. е. по мѣрѣ вступленія въ бракъ болѣе зрѣлыхъ людей, обособленія ихъ отъ той группы, которая по натурѣ своей предназначена образовать классъ неисправимыхъ холостяковъ. Въ дѣйствительности оказывается, что коэффициентъ предохраненія измѣняется по совершенно другому закону. Въ исходной своей точкѣ онъ очень часто уступаетъ мѣсто обратному коэффициенту, т. е. усиленію случаевъ самоубійства. Очень молодые супруги болѣе склонны къ самоубійству, нежели холостые люди. Этого не могло бы быть, если бы они отъ рожденія въ самихъ себѣ заключали условія, предохраняющія отъ самоубійства. Затѣмъ максимумъ различія наступаетъ почти сразу. Начиная съ того момента, когда привилегированное положеніе женатыхъ начинаетъ обнаруживаться (между 20—25 годами), коэффициентъ уже достигаетъ цыфры, выше которой онъ впослѣдствіи не поднимается. Напротивъ, между 30—40 годами, когда раздѣленіе на двѣ группы окончательно завершилось и классъ супруговъ почти заполнилъ всѣ свои кадры, коэффициентъ предохраненія вмѣсто того, чтобы достигъ своего апогея и обозначить такимъ образомъ тотъ фактъ, что супружескій подборъ дошелъ до своего предѣла, внезапно и рѣзко падаетъ.

Еще болѣе убѣдительнымъ является то обстоятельство, что положеніе обоихъ половъ по отношенію къ предохраненію отъ самоубійства, которымъ пользуются люди, состоящіе въ бракѣ, въ различныхъ странахъ неодинаково. Невозможно, слѣдовательно, допустить, чтобы брачный подборъ былъ существеннымъ факторомъ того преимущества, которымъ пользуются женатые люди по отношенію къ самоубійству, ибо иначе было бы необъяснимо, почему этотъ подборъ производитъ въ различныхъ странахъ различные результаты. Напротивъ, вполне возможно, что семья въ двухъ различныхъ странахъ сложилась такимъ образомъ, что она различно дѣйствуетъ на оба пола; поэтому въ самомъ строеніи семейной группы и должно искать главную причину интересующаго насъ явленія.

Но домашняя среда слагается изъ самыхъ различныхъ элементовъ. Для каждаго супруга семья состоитъ 1) изъ другого супруга и 2) изъ дѣтей. Первому или второму изъ

этихъ элементовъ принадлежитъ благотворное вліяніе на склонность къ самоубійству?

Имѣются доказательства того, что бракъ оказываетъ незначительное вліяніе на коэффициентъ предохраненія отъ самоубійствъ. Ограниченное и незначительное вліяніе самого брака видно наиболѣе ясно изъ того, что вдовцы, оставшіеся съ дѣтьми, находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели бездѣтные супруги.

Преимущество въ смыслѣ смертности отъ самоубійства, которымъ, вообще говоря, пользуются люди, состоящіе въ бракѣ, обязано не вліянію самого супружескаго союза, а вліянію союза семейнаго. Существеннымъ факторомъ предохраненія отъ самоубійства людей, состоящихъ въ бракѣ, является семья, т. е. сплоченная группа, образуемая родителями и дѣтьми. Конечно, поскольку супруги входятъ въ составъ этой группы въ качествѣ ея членовъ, они то же оказываютъ другъ на друга свою долю вліянія, но только не какъ мужъ и жена, а какъ отецъ и мать, какъ органы семейнаго союза. Семейный союзъ точно такъ же, какъ и религіозный, является могучимъ предохраняющимъ средствомъ отъ самоубійства.

Это предохраненіе тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше семья, т. е. чѣмъ болѣе число ея членовъ. При сравненіи разныхъ мѣстностей мы найдемъ: по мѣрѣ того, какъ уменьшается число самоубійствъ, размѣры семьи правильно увеличиваются.

Итакъ, факты далеко не подтверждаютъ обыденнаго мнѣнія, что самоубійства вызываются главнымъ образомъ тяготами жизни; наоборотъ, число ихъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ существованіе становится тяжелѣе. Вотъ неожиданное послѣдствіе мальтузіанизма, котораго авторъ его, конечно, не предполагалъ. Когда Мальтусъ рекомендовалъ воздержаніе отъ дѣторожденія, то онъ думалъ, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ это ограниченіе необходимо ради общаго блага. Въ дѣйствительности оказывается, что воздержаніе это является настолько сильнымъ зломъ, что убиваетъ въ человѣкѣ самое желаніе жить. Большія семьи вовсе не роскошь, безъ которой можно обойтись и которую можетъ себѣ позволить только богатый; это насущный хлѣбъ, безъ котораго нельзя жить. Какъ бы ни былъ бѣденъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ самое худшее помѣщеніе капи-

тала—и притомъ съ точки зрѣнія личнаго интереса,—это капитализація части своего потомства.

Чѣмъ объясняется вліяніе размѣровъ семьи на число самоубійствъ?

Въ данномъ случаѣ нельзя прибѣгнуть, для объясненія этого явленія, къ помощи органическаго фактора, потому что, если совершенное безплодіе является главнымъ образомъ послѣдствіемъ фізіологическихъ причинъ, то нельзя сказать того же про недостаточную плодовитость, которая чаще всего носитъ добровольный характеръ и диктуется извѣстнымъ настроеніемъ умовъ. Больше того, размѣръ семьи зависитъ не исключительно отъ рождаемости; тамъ, гдѣ мало дѣтей, могутъ играть роль иные факторы, и наоборотъ, большое число дѣтей можетъ оказаться безрезультатнымъ, если дѣти фактически и послѣдовательно не принимаютъ участія въ жизни семейной группы. Поэтому данное предохраняющее свойство можно скорѣе приписать чувствамъ *sui generis* родителей къ своимъ непосредственнымъ потомкамъ. Наконецъ, эти чувства сами по себѣ нуждаются въ нѣкоторомъ опредѣленномъ состояніи семейной обстановки для того, чтобы проявить себя вполнѣ; они не могутъ быть сильными, если семья лишена внутренняго единства. Слѣдовательно, именно въ силу того, что характеръ семьи мѣняется въ зависимости отъ ея размѣровъ, число составляющихъ ея элементовъ оказываетъ вліяніе на склонность къ самоубійству.

Сплоченность какой-либо группы не можетъ уменьшиться безъ того, чтобы не измѣнилась ея жизненная сила. Если коллективныя чувства обладаютъ исключительной энергіей, то это происходитъ потому, что та сила, съ которой каждое индивидуальное сознаніе переживаетъ ихъ, отражается на всѣхъ остальныхъ членахъ. Интенсивность этихъ чувствъ находится въ прямой зависимости отъ числа переживающихъ ихъ совмѣстно индивидуальныхъ сознаній. Въ небольшой семьѣ общія чувства и воспоминанія не могутъ быть особенно интенсивны, ибо здѣсь нѣтъ достаточнаго числа сознаний для того, чтобы представить ихъ себѣ и усилить ихъ путемъ совмѣстнаго переживанія. Внутри такой семьи не могутъ создаться твердыя традиціи, служащая связующей нитью для членовъ одной и той же семейной группы: по-

добныя традиціи переживають первоначальную семью и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію. Кроме того, небольшая семья неизбежно отличается недолговѣчностью, а никакой, лишенный длительности, союзъ не можетъ быть проченъ. Въ немъ не только слабо развиты коллективныя состоянія сознанія, но самое число этихъ состояній очень ограничено, потому что существованіе ихъ обусловливается тою живостью и энергіей, съ которою передаются различныя взгляды и впечатлѣнія отъ одного субъекта къ другому: съ другой стороны, самый обмѣнъ мыслей тѣмъ быстрѣе совершается, тѣмъ большее число людей въ немъ участвуетъ. Когда семья ограничена по своему объему, то въ каждый данный моментъ вмѣстѣ оказываются только очень немногіе члены, семейная жизнь едва влачитъ свое существованіе и бывають моменты, когда домашній очагъ совсѣмъ пустъ. Итакъ, поскольку семья является мощнымъ предохранителемъ отъ самоубійства, она тѣмъ лучше оказываетъ свое воздѣйствіе, чѣмъ сильнѣе ея сплоченность.

Самоубійство и разводъ. Въ виду важнаго предохранительнаго значенія семьи, насъ нисколько не удивитъ то наблюденіе, что количество самоубійствъ измѣняется прямо пропорціонально числу разводовъ и раздѣльныхъ жительствъ супруговъ. Самый институтъ развода своимъ вліяніемъ на бракъ склоняетъ человѣка къ самоубійству.

Что представляетъ изъ себя бракъ? Регламентацию отношеній между полами, охватывающую не только сферу физиологическихъ инстинктовъ, но всевозможныхъ чувствъ, привитыхъ цивилизаціей на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Ибо любовь въ наше время—въ гораздо большей степени духовное, чѣмъ органическое чувство. Мужчина ищетъ въ женщинѣ не только одного удовлетворенія потребности дѣторожденія. Если это естественное стремленіе и послужило зародышемъ всей половой эволюціи,—то оно прогрессивно усложнялось множествомъ различныхъ эстетическихъ и моральныхъ чувствъ, и въ настоящее время оно является только ничтожнымъ элементомъ того многосложнаго процесса, которому оно когда-то положило начало. Подъ вліяніемъ этихъ интеллектуальныхъ элементовъ, половое чувство какъ бы одухотворилось и отчасти освободилось отъ оковъ тѣла. Оно въ равной мѣрѣ питается какъ моральнымъ

пеканіями, такъ и физическими побужденіями, и потому въ немъ уже нѣтъ той автоматической регулярной періодичности, которая проявляется у животнаго. Но именно въ силу того, что эти различныя склонности преобразовались подъ вліяніемъ времени и не находятся уже болѣе въ непосредственномъ подчиненіи органической необходимости, для нихъ и нужна социальная регламентація. Если организмъ внутри себя не находитъ ничего сдерживающаго подобнаго чувства, то эту обязанность должно взять на себя общество. Въ этомъ заключается функція брака. Бракъ, особенно въ своей моногамической формѣ, регулируетъ всю эту жизнь страстей. Возлагая на мужчину обязанность вѣчно любить одну и ту же женщину, единобрачіе указываетъ чувству любви совершенно опредѣленный предметъ и тѣмъ самымъ закрываетъ дальнѣйшіе горизонты.

Благодаря этой опредѣленности и устанавливается то моральное равновѣсіе, которымъ пользуется супругъ. Не нарушая своего долга вѣрности, онъ не можетъ искать другихъ удовольствованій, кромѣ тѣхъ, которыя ему разрѣшены бракомъ, а потому ограничиваетъ себя въ своихъ желаніяхъ. Спасительная дисциплина, которой подвергается супругъ, заставляетъ его искать счастья въ томъ положеніи, которое выпало ему на долю, и тѣмъ самымъ даетъ ему для этого средства. Къ тому же, если чувство одного супруга не склонно къ переменѣ, то объектъ его отвѣчаетъ ему тѣмъ же: вѣдь обязательство вѣрности носитъ взаимный характеръ. Радости его опредѣлены, онъ обезпеченъ, и все это дѣйствуетъ самымъ положительнымъ образомъ на направленіе его ума. Совершенно иное представляетъ собою положеніе холостяка. Для него нѣтъ никакихъ ограниченій въ его привязанностяхъ, онъ хватается за все, и ничто его не удовлетворяетъ. Внутренній ядъ безпредѣльныхъ стремленій проникаетъ и въ эту область нашего сознанія, какъ и во всякую другую. Трудно удержать самого себя, если извнѣ ничто не сдерживаетъ. Испытавъ одни наслажденія, человекъ уже ринуется въ своемъ воображеніи новыя удовольствія, и какъ скоро онъ проходитъ весь кругъ возможнаго, то, мучимый постоянно жаждою новизны, онъ будетъ мечтать о несбыточномъ. Какъ же не впасть въ отчаяніе при такой нескончаемой погонѣ за неуловимымъ счастьемъ?

Безъ конца рождаются и вельдъ за тѣмъ разбѣиваются явизнью всевозможныя надежды, и въ душѣ непрерывно растетъ чувство усталости и разочарованія. И какъ можетъ укрѣпиться въ умѣ человѣка то или иное желаніе, если нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что объектъ желанія можетъ быть сохраненъ? Вѣдь аномія двусторонняя: если человѣкъ не можетъ исполнѣтъ отдаться, онъ не можетъ и исполнѣтъ овладѣть. Невѣрность будущаго вмѣстѣ съ своею собственною половинчатостью лишаютъ его навсегда покоя. Изъ всего этого вытекаетъ безпокойство, возбужденное состояніе и недовольство, неминуемо несущее съ собою большую степень склонности къ самоубійству.

Но разводъ предполагаетъ ослабленіе брачной регламентаціи; тамъ, гдѣ онъ практикуется, въ особенности же тамъ, гдѣ право и нравы усиливаютъ его практику, бракъ является только слабымъ намекомъ на то, чѣмъ онъ долженъ быть. Это бракъ второго сорта, и поэтому онъ не можетъ имѣть присущихъ ему благопріятныхъ результатовъ. Границы, которыя онъ ставитъ для чувства, теряютъ свою опредѣленность; онъ лишается устойчивости и только въ слабой степени могутъ сдерживать страсти, которыя принимаютъ самыя широкія размѣры. Чувство уже не такъ легко подчиняется тѣмъ условіямъ, которыя ему предписаны. Исчезаетъ спокойствіе, моральная уравновѣшенность, составлявшія преимущество человѣка, состоящаго въ бракѣ; на ихъ мѣсто появляется извѣстное состояніе безпокойства, мѣшающее человѣку дорожить тѣмъ, что у него есть. Онъ тѣмъ менѣе обращаетъ вниманія на настоящее, что благосостояніе его кажется ему неустойчивымъ, будущее менѣе опредѣленнымъ. Нельзя прочно держаться за ту позицію, на которой находишься, если она въ любой моментъ можетъ быть разрушена съ той или другой стороны. Въ силу этихъ причинъ, въ странахъ, гдѣ вліяніе брака въ сильной степени умѣряется разводами, неизбежно ослабляется иммунитетъ женатаго человѣка. Такъ какъ, вельдствіе этого, состояніе его приближается къ состоянію холостяка, онъ не можетъ не потерять части своихъ преимуществъ. Такимъ образомъ увеличивается общее число самоубійствъ.

Самоубійство и голлизмъ. Что, въ частности, сказано о значеніи семейнаго союза, то же слѣдуетъ сказать о всякомъ

соціальною союзъ, включая политическое общество: чисто самоубійство обратно пропорціально степени интеграціи тѣхъ соціальныхъ группъ, въ которыя входитъ индивидуумъ.

Сплоченность общества не можетъ ослабиться безъ того, чтобы индивидуумъ въ той же мѣрѣ не отставалъ отъ соціальной жизни, чтобы его личныя цѣли не превѣсничали стремленія къ общему благу,—словомъ, безъ того, чтобы единичная личность не стремилась стать выше коллективной. Чѣмъ сильнее ослабѣваютъ внутреннія связи той группы, къ которой принадлежитъ индивидуумъ, тѣмъ меньше онъ отъ нея зависитъ, и тѣмъ больше въ своемъ поведеніи онъ будетъ руководиться соображеніями своего личнаго интереса. Если условиться называть эгоизмомъ такое состояніе индивидуума, когда индивидуальное „я“ рѣзко противоцѣляетъ себя соціальному „я“ и въ ущербъ этому послѣднему, то мы можемъ назвать эгоистичнымъ тотъ частный видъ самоубійства, который вызывается чрезмѣрной индивидуализаціей.

Когда общество тѣсно сплочено, то индивидуальная воля находится какъ бы въ его власти, занимаетъ по отношенію къ нему чисто-служебное положеніе, и, конечно, индивидуумъ при такихъ условіяхъ не можетъ по своему усмотрѣнію располагать собою. Добровольная смерть является здѣсь измѣной общему долгу. Но когда люди отказываются признать законность такого подчиненія, то какой силой обладаетъ общество для того, чтобы утвердить по отношенію къ нему свое верховенство? Въ его распоряженіи нѣтъ достаточнаго авторитета для того, чтобы удержать людей на ихъ посту въ тотъ моментъ, когда они хотятъ дезертировать, и, сознавая свою слабость, общество доходитъ до признанія за индивидуумомъ права дѣлать то, чему оно безсилно воспрепятствовать. Разъ человѣкъ признается хозяиномъ своей жизни, онъ въ правѣ положить ей конецъ. Съ другой стороны, у индивидуумовъ отпадаетъ одинъ изъ мотивовъ къ тому, чтобы безропотно терпѣть жестокія жизненныя лишенія. Когда люди объединены и связаны любовью съ той группой, къ которой они принадлежатъ, то они легко жертвуютъ своими интересами ради общей цѣли и съ большимъ упорствомъ борются за свое существованіе. Одно и то же чувство побуждаетъ ихъ преклоняться предъ стремленіемъ къ

общему благу и дорожить своею жизнью, а сознание великой цѣли, стоящей предъ ними, заставляетъ ихъ забыть о личныхъ страданіяхъ.

Но крайній индивидуализмъ не только устраняетъ препятствія, сдерживающія стремленіе людей убивать себя, но самъ возбуждаетъ это стремленіе и даетъ мѣсто специальному виду самоубійствъ, которыя носятъ на себѣ его отпечатокъ.

Уже въ силу того, что высшія формы человѣческой дѣятельности имѣютъ коллективное происхожденіе, онѣ преслѣдуютъ коллективную же цѣль, поскольку онѣ зарождаются подъ вліяніемъ общности, поскольку къ ней же относятся и все ихъ стремленія: можно сказать, что эти формы являются самимъ обществомъ, воплощеннымъ и индивидуализированнымъ въ каждомъ изъ насъ. Но для того, чтобы подобная дѣятельность имѣла въ нашихъ глазахъ разумное основаніе, самый объектъ, которому она служитъ, не долженъ быть для насъ безразличнымъ. Мы можемъ быть привязаны къ первой лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы привязаны и ко второму, т. е. къ обществу. Наоборотъ, чѣмъ сильнее мы оторвались отъ общества, тѣмъ болѣе мы удалились отъ той жизни, для которой оно одновременно является и источникомъ, и цѣлью. Къ чему эти правила морали, нормы права, принуждающія насъ ко всякаго рода жертвамъ, эти стѣсняющія насъ догмы, если вмѣстѣ съ цѣлью существа, которому все это служитъ и съ которымъ мы были бы солидарны? Зачѣмъ тогда существуетъ наука? Если она не приноситъ никакой другой пользы, кромѣ той, что увеличиваетъ наши шансы въ борьбѣ за жизнь, то она не стоитъ затрачиваемаго на нее труда. Инстинктъ лучше исполняетъ эту роль; доказательствомъ служатъ животныя. И въ особенности, чѣмъ оправдать переносимыя нами страданія? Испытываемое индивидуумомъ зло ничѣмъ не можетъ быть оправдано и становится совершенно безсмысленнымъ, разъ цѣнность всего существующаго опредѣляется съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка. Для человѣка твердо религіознаго, для того, кто тѣсными узами связанъ съ семьей или опредѣленнымъ политическимъ обществомъ, подобная проблема даже не существуетъ. Добровольно и свободно, безъ всякаго размышленія, такіе люди отдають все свое существо, все

свои силы: одной—своей церкви, другой—своей семьѣ, третьей—своей родинѣ или партіи. Въ самыхъ своихъ страданіяхъ эти люди видятъ только средства послужить прославленію группы, къ которой они принадлежатъ. Такимъ образомъ христіанинъ достигаетъ того, что преклоняется предъ страданіемъ и ищетъ его, чтобы лучше доказать свое презрѣніе къ плоти и приблизиться къ своему божественному образцу. Но поскольку вѣрующій начинаетъ сомнѣваться, т. е. поскольку онъ эмансипируется и чувствуетъ себя менѣе солидарнымъ съ той вѣронсиовѣдной средой, къ которой онъ принадлежитъ, поскольку семья и общество становятся для индивидуума чужими, постольку онъ самъ для себя дѣлается тайной и нигуда не можетъ уйти отъ назойливаго вопроса; „зачѣмъ все это нужно“?

Какъ только социальное начало, заложенное внутри насъ, теряетъ свое объективное существованіе, остается только искусственная комбинація призрачныхъ образовъ, фантазмагорія, разсѣивающаяся отъ перваго легкаго прикосновенія мысли; нѣтъ ничего такого, что бы могло дать смыслъ нашимъ дѣйствіямъ, цѣну нашему существованію. вмѣстѣ съ тѣмъ мы утрачиваемъ всякое основаніе дорожить своею жизнью: та жизнь, которая могла бы насъ удовлетворить, не соотвѣтствуетъ болѣе ничему въ дѣйствительности, а та, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не удовлетворяетъ больше нашимъ потребностямъ. Такъ какъ мы были приобщены къ высшимъ формамъ существованія, то жизнь, которая удовлетворяетъ требованіямъ ребенка и животнаго, уже не въ силахъ больше удовлетворить насъ. Но разъ эти высшія формы ускользаютъ отъ насъ, мы остаемся совершенно въ безпомощномъ состояніи; насъ охватываетъ ощущеніе трагической пустоты, и намъ не къ чему болѣе примѣнить свои силы. Совершенно лишнее доказывать, что при такомъ состояніи психической дисгармоніи незначительныя неудачи легко приводятъ къ отчаяннымъ рѣшеніямъ. Если жизнь теряетъ всякій смыслъ, то въ любой моментъ можно найти предлогъ покончить съ нею счеты.

Самоубійство и экономическіе кризисы. Изъ указаннаго дисциплинирующаго значенія общества слѣдуетъ, что каждое потрясеніе общества, каждый общественный кризисъ сопровождается возрастаніемъ числа самоубійствъ. Подъ это по-

вятіе кризиса не подходят такіа народніа движенія, которыа—напр. популярная война—охватываютъ весь народъ, объединяють его и поднимають его духъ и энергію. Подъ это понятіе подходятъ прежде всего экономическіе кризисы, которыя имѣють усиливашее вліяніе на число самоубійствъ, какъ въ томъ случаѣ, когда они несуть съ собою бѣдность и разореніе, такъ и въ томъ, когда они бывають кризисами расцвѣта. Промышленный и финансовый кризисы имѣють это вліяніе именно какъ кризисы, т. е. потрясенія коллективнаго строя. И это легко понять.

Человѣкъ тѣмъ отличается отъ животныхъ, что надъ нимъ теряють власть инстинктивныа сдержки, и его стремленія могутъ стать безпредѣльными. Ни въ органическомъ, ни въ психическомъ строеніи человѣка нельзя найти ничего такого, что могло бы служить предѣломъ для его аппетитовъ. Поскольку потребности зависяють только отъ индивида, онѣ безграничны. Наша воспріимчивость, если отвѣчяется отъ всякой регулирующей ее вышней силы, представитъ собою бездонную пропасть, которую ничто не можетъ наполнить. Если извиѣ не приходитъ никакого сдерживающаго начала, наша воспріимчивость становитя для самой себя источникомъ вѣчныхъ мученій, потому что безграничныа желанія не насытятся по своему существу, а неасытность справедливо считается признакомъ *болѣзненнаго состоянія*. При отсутствіи вышнихъ препопъ, желанія не знаютъ для себя никакихъ границъ и потому далеко переходяють за предѣлы данныхъ имъ средствъ и, конечно, никогда не находятъ покоя. Неутомимая жажда превращается въ сплошную пытку. Измѣнить это положеніе вещей можно лишь при томъ условіи, если человѣческіа страсти найдуть для себя опредѣленный предѣлъ. Только въ этомъ случаѣ можно говорить о гармоніи между стремленіями и потребностями человѣка, и только тогда послѣднія могутъ быть удовлетворены. Но такъ какъ внутри индивидуума нѣтъ никакого сдерживающаго начала, то оно можетъ истекать только отъ какой-либо вышней силы. Духовныа потребности нуждаются въ какомъ-нибудь регулирующемъ началѣ, играющемъ *по отношенію* къ нимъ ту же роль, какую организмъ выполняетъ въ сферѣ физическихъ потребностей. Эта регулирующая сила, конечно, должна быть, въ свою очередь, моральнаго характера. Про-

бужденіе сознанія нарушило то состояніе равновѣсія, въ которомъ дремало животное, и потому только одно сознаніе можетъ дать средство къ восстановленію этого равновѣсія. Матеріальное принужденіе въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакого значенія; сердца людей нельзя измѣнить посредствомъ физико-химическихъ силъ. Поскольку стремленія не задерживаются автоматически съ помощью физиологическихъ механизмовъ, постольку они могутъ остановиться только предъ такой границей, которая будетъ ими признана справедливой. Законъ справедливости долженъ исходить отъ лица, авторитетъ котораго люди уважаютъ и предъ которымъ добровольно преклоняются. Одно только общество—либо непосредственно, какъ цѣлое, либо чрезъ посредство одного изъ своихъ органовъ—способно играть эту умѣряющую роль: только оно обладаетъ той моральной силой, которая возвышается надъ индивидуумомъ и превосходство которой послѣдній принужденъ признать. Никому другому, кромѣ общества, не принадлежитъ право намѣчать для человѣческихъ желаній тотъ крайній предѣлъ, дальше котораго они не должны идти.

Итакъ, ошибается тотъ, кто утверждаетъ, что человѣческая дѣятельность можетъ быть освобождена отъ всякой узды. Подобною привилегіею на этомъ свѣтѣ не можетъ пользоваться ничто и ничто, потому что всякое существо, какъ часть вселенной, связано съ ея остальною частью: природа каждаго существа и то, какъ она проявляется, зависятъ не только отъ этого существа, но и отъ всѣхъ остальныхъ существъ, которыя и являются такимъ образомъ для него сдерживающей и регулирующей силой. Но въ моментъ общественной дезорганизациі, будетъ ли она происходить въ силу болѣзненнаго кризиса или, наоборотъ, въ періодъ благоприятныхъ, но слишкомъ внезапныхъ социальныхъ преобразованій,—общество оказывается временно неспособнымъ проявлять нужное дѣйствіе на человѣка, и въ этомъ дается объясненіе рѣзкихъ повышеній кривой самоубійствъ во времена общественныхъ кризисовъ.

И, дѣйствительно, въ моменты экономическихъ бѣдствій мы можемъ наблюдать, какъ разразившійся кризисъ влечетъ за собой извѣстное смѣшеніе классовъ,—въ силу котораго цѣлый классъ людей оказывается отброшеннымъ въ разрядъ

низшихъ социальныхъ категорій. Многіе принуждены урѣзывать свои требованія, сократить свои привычки и, вообще, приучиться себя сдерживать. По отношенію къ этимъ людямъ вся работа, все плоды социальнаго воздѣйствія пропадаютъ даромъ, и ихъ моральное воспитаніе должно начать сънова. Само собою разумѣется, что общество не въ состояніи однимъ взмахомъ приучить этихъ людей къ новой жизни, къ добавочному самоограниченію. Въ результатъ, все они не могутъ примириться со своимъ ухудшившемся положеніемъ: и даже одна перспектива ухудшенія становится для нихъ невыносимой: страданія, заставляющія ихъ насильственно прервать измѣнившуюся жизнь, наступаютъ раньше, чѣмъ они успѣли извѣдать эту жизнь на опытѣ.

Но то же самое происходитъ въ томъ случаѣ, если социальный кризисъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ внезапное увеличеніе общаго благосостоянія и богатства. Здѣсь опять-таки мѣняются условія жизни, и та скала, которою опредѣлялись потребности людей, оказывается устарѣвшей; она передвигается вмѣстѣ съ возрастаніемъ общественнаго богатства,—поскольку она опредѣляетъ въ общемъ и цѣломъ долю каждой категоріи производителей. Превжняя іерархія нарушена, а новая не можетъ сразу установиться. Для того, чтобы люди и вещи заняли въ общественномъ сознаніи подобающее имъ мѣсто, нуженъ большой промежутокъ времени. Пока социальныя силы, предоставленныя самимъ себѣ, не придутъ въ состояніе равновѣсія, относительная цѣнность ихъ не поддается учету и, слѣдовательно, на нѣкоторое время всякая регламентація оказывается несостоятельной. Никто не знаетъ въ точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо: нельзя указать границы между законными и чрезмѣрными требованіями и надеждами, а потому все считаютъ себя въ правѣ претендовать на все. Какъ бы поверхностно ни было это общественное потрясеніе, все равно, тѣ принципы, на основаніи которыхъ члены общества распредѣляются между различными функціями, оказываются поколебленными. Поскольку видоизмѣняются взаимоотношенія различныхъ частей общества, постольку и выражающія эти взаимоотношенія плен не могутъ остаться непоколебленными. Тотъ социальный классъ, который особенно много выигралъ отъ кризиса, не расположенъ

больше мириться со своимъ прежнимъ уровнемъ жизни, а его новое, исключительно благопріятное положеніе неизбежно вызываетъ цѣлый рядъ завистливыхъ желаній въ окружающей средѣ. Общественное мнѣніе не въ силахъ своимъ авторитетомъ сдерживать индивидуальныхъ аппетитовъ; эти послѣдніе не знаютъ болѣе такой границы, предъ которой они вынуждены бы были остановиться. Кромѣ того, умы людей уже потому находятся въ состояніи естественнаго возбужденія, что самый пульсъ жизни въ такіе моменты бьется интенсивнѣе, чѣмъ раньше. Вполнѣ естественно, что, вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія, растутъ и человѣческія желанія: на жизненномъ пиру ихъ ждетъ болѣе богатая добыча, а подъ вліяніемъ этого люди становятся требовательнѣе, нетерпѣливѣе, не мирятся болѣе съ тѣми рамками, которыя ставилъ нынѣ ослабѣвшій авторитетъ традиціи. Общее состояніе дезорганизациі, или аноміи, усугубляется тѣмъ фактомъ, что страсти менѣе всего согласны подчиниться дисциплинѣ именно въ тотъ моментъ, когда это всего нужнѣе. При такомъ положеніи вещей дѣйствительность не можетъ удовлетворить предъявляемыхъ людьми требованій. Необуданная претензія каждаго неизбежно будутъ идти дальше всякаго достижимаго результата, ибо ничто не препятствуетъ имъ разрастаться безгранично. Это общее возбужденіе будетъ непрерывно поддерживать само себя, не находя себѣ ни въ чемъ успокоенія. А такъ какъ такая погоня за недостижимой цѣлью не можетъ дать другого удовлетворенія, кромѣ ощущенія самой погони, то стоитъ лишь этому стремленію встрѣтиться на своемъ пути какое-либо препятствіе, чтобы человѣкъ почувствовать себя совершенно выбитымъ изъ колеи. Одновременно съ этимъ самая борьба становится болѣе ожесточенной и мучительной, какъ потому, что она менѣе урегулирована, такъ и потому, что борцы особенно разгорячены. Все соціальныя классы выходятъ изъ привычныхъ рамокъ, такъ что опредѣленнаго классоваго дѣленія болѣе не существуетъ. Общія усилія въ борьбѣ за существованіе достигаютъ вышей точки напряженія именно въ тотъ моментъ, когда это менѣе всего продуктивно. Какъ же при такихъ условіяхъ можетъ не ослабѣть желаніе жить?

Самодѣйство и торгово-промышленный міръ. Если-бы аномія проявлялась всегда, какъ въ предыдущихъ случаяхъ,

въ видѣ перемежающихся приступовъ и острыхъ кризисовъ, то, конечно, время отъ времени, она могла бы заставить колебаться социальный процентъ самоубійствъ, но не была бы его постояннымъ и регулярнымъ факторомъ. Существуетъ, между тѣмъ, опредѣленная сфера социальной жизни, въ которой аномія является хроническимъ явленіемъ; это коммерческій и промышленный міръ.

Въ теченіе цѣлаго вѣка экономическій прогрессъ стремился главнымъ образомъ къ тому, чтобы освободить промышленное развитіе отъ всякой регламентаціи. Вплоть до настоящаго времени цѣлая система моральныхъ силъ имѣла своей задачей дисциплинировать промышленныя отношенія. Сначала вліяніе это оказывала религія, которая въ равной степени обращалась и къ рабочимъ, и къ хозяевамъ, къ бѣднякамъ и къ богатымъ. Съ своей стороны, свѣтская власть, занимая главенствующее положеніе въ экономической области, подчиняя себѣ до извѣстной степени хозяйственную дѣятельность, регулировала ея проявленія. Наконецъ, внутри самого цѣловаго міра ремесленная корпорація, регламентируя заработную плату, цѣны на продукты и даже самое производство, косвеннымъ образомъ фиксировала средній уровень дохода, которымъ, естественно, опредѣляется въ значительной мѣрѣ и самый размѣръ потребностей.

Не то нынѣ. Религія, можно сказать, потеряла громадную долю своей власти. Правительственная власть, вмѣсто того, чтобы быть регуляторомъ экономической жизни, сдѣлалась ея слугою и орудіемъ. Самыя противоположныя школы, ортодоксальные экономисты, съ одной стороны, и крайніе социалисты, съ другой, согласны съ тѣмъ, что правительство должно занять болѣе или менѣе пассивную роль посредника между различными социальными функціями. Всѣ эти теоріи только отражаютъ господствующее общественное мнѣніе: фактически промышленность, вмѣсто того, чтобы служить средствомъ къ достиженію высшей цѣли, уже сдѣлалась сама по себѣ центромъ конечныхъ стремленій, какъ индивидуумовъ, такъ и общества. Въ силу этого, индивидуальныя аппетиты разрастаются безпредѣльно и выходятъ изъ подъ вліянія какого-бы то ни было сдерживающаго ихъ авторитета. Этотъ апофеозъ матеріальнаго благополучія ихъ освятить и поставитъ, такъ сказать, надъ всякимъ чело-

вѣческимъ закономъ. Ставить на этомъ пути какія-либо препятствія считается въ настоящее время оскорбленіемъ святости, и поэтому даже та, чисто утилитарная регламентація промышленности, которую могъ бы осуществить самъ промышленный міръ при помощи своихъ корпорацій, не въ состояніи пустить корни. Самое развитіе промышленности и безпредѣльное расширеніе рынковъ неизбѣжно благоприятствуетъ въ свою очередь безудержному росту человѣческихъ желаній.

Вотъ откуда происходитъ это крайнее возбужденіе, которое отъ одной части общества передалось и всеѣмъ остальнымъ. Въ промышленномъ мірѣ кризисъ и состояніе аноміи суть явленія не только постоянныя, но, можно даже сказать, нормальныя. Алчныя вождельнія охватываютъ людей всеѣхъ слоевъ и не могутъ найти себѣ опредѣленной точки приложенія. Ничто не можетъ успокоить ихъ, потому что цѣль, къ которой они стремятся, безконечно превышаетъ все то, чего они могутъ дѣйствительно достигнуть. Лихорадочная ненасытная погоня за воображаемымъ обезцѣпляетъ наличную дѣйствительность и заставляетъ пренебрегать ею; какъ только удается достигнуть ближайшей цѣли, и что-нибудь раньше только возможное и желанное станетъ совершившимся фактомъ, тотчасъ же неудержимая страсть къ новымъ возможностямъ влечетъ человѣка еще и еще дальше. Люди мучатся жаждой новыхъ, еще не извѣданныхъ наслажденій, не испытанныхъ ощущеній; но послѣднія тотчасъ же теряютъ свою соль, какъ только станутъ извѣстны. И достаточно какой-нибудь превратности судьбы для того, чтобы человѣкъ оказался безнадежнымъ перенести это испытаніе. Лихорадочное возбужденіе падаетъ, и человѣкъ видитъ, какъ бесплодно было все это смятеніе, и какъ все это море безпредѣльныхъ желаній не оставляетъ послѣ себя никакого солиднаго запаса благополучія, который можно было бы использовать въ годы тяжелыхъ испытаній. Кто всю свою жизнь жилъ только будущимъ, отдавалъ ему все силы души, тотъ не можетъ найти на страницахъ своего прошлаго ничего такого, что бы помогло ему перенести горечь настоящаго, ибо вся прошлая его жизнь была только однимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ будущихъ благъ. Остѣлелый этимъ ожиданіемъ, онъ печаль далекаго счастья, все время

только ускользавшаго отъ него. Когда какое-либо препятствіе остано- вить такого человѣка, то всѣ планы его ока- жутся разрушенными, и ни позади себя, ни передъ собою ему не на чемъ будетъ остано- вить своего взора. Въ концѣ концовъ, даже ощущеніе усталости способно породить без- надежное разочарованіе, ибо трудно не почувствовать всеї безсмысленности погони за недостижимымъ.

Практическіе выводы. Тагъ самоубійство, разсмотрѣнное ста- тистически, становится въ рукахъ соціолога зеркаломъ, отра- жающимъ постѣдовательно всѣ стороны соціальной жизни. Статистика самоубійствъ получаетъ значеніе всемірнаго суда, заставляетъ насъ внимательно переглядѣть всѣ мотивы и цѣли нашей дѣятельности. Она становится масштабомъ це- реоцѣнки всѣхъ путей жизни. Рѣчь соціолога невольно становится съ перваго слова до послѣдняго возбужденною проповѣдью. Всякій путь, въ концѣ котораго зияетъ страшная бездна добровольныхъ смертей, признается недолжнымъ. Та- кимъ образомъ создается цѣлая система соціальной жизни, и соціологія самоубійствъ сливается съ нравственной фило- софіей. Еще разъ убѣждаемся мы, что нравственность, какъ *conditio sine qua non* человѣческой жизни и, особенно, жизни соціальной, опирается на естественную необходи- мость.

Изъ обширной (541 стр.) книги проф. Дюркгейма слѣду- ютъ практическіе выводы въ ближайшемъ смыслѣ слова. Выводы эти дѣлаетъ и самъ Дюркгеймъ, однако мы не по- слѣдуемъ за нимъ. Онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на профессиональныя корпораціи. На будущее религіи онъ смот- ритъ песимистически. Могло бы имѣть соціальную силу лишь католичество, не дающее мѣста свободѣ изслѣдованія и потому не приемлемое для „людей науки“, протестантство же, такъ легко примиряющееся съ наукой, въ разсматри- ваемомъ отношеніи безцельно. Получается заколдованный кругъ. А что же православіе? Говоря о католичествѣ и про- тестантствѣ, Дюркгеймъ быстро упоминаетъ греко-восточную церковь. „Низкій уровень самоубійствъ у греко-католиковъ не можетъ быть съ увѣренностью приписанъ вліянію рели- гіи, такъ какъ цивилизація этихъ странъ рѣзко отличается отъ цивилизаціи другихъ европейскихъ націй, а слѣдова- тельно эти культурныя различія и могутъ оказаться причи-

ной неодинаково выраженной склонности къ самоубійству“. Обычное для западныхъ ученыхъ невниманіе къ православію, которое однако указываетъ единственный выходъ изъ этого заколдованнаго круга и на которое мы возлагаемъ наши надежды въ борьбѣ съ современной эпидеміей самоубійствъ.

М. Таръевъ.
